

Читайте в серии:

Ян Вайлер

«Человек маркизы»

Утхит Хемамун

«Сказители»

Кортни Коллинз

«Птаха»

Давид Гроссман

«С кем бы побегать»

Давид Гроссман

С КЕМ БЫ
ПОБЕГАТЬ

АЗБУКА

Москва

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44
Г88

SOMEONE TO RUN WITH
David Grossman

This edition published by arrangement with The Deborah Harris Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод с иврита Гали-Даны Зингер, Некода Зингера

Дизайн обложки и иллюстрация на переплете Юлии Стоцкой

Гроссман, Давид
Г88 С кем бы побегать : роман / Давид Гроссман ; [пер. с иврита Гали-Даны
Зингер, Некода Зингера]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. —
480 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-25612-5

«Собака мчится по улицам, а за ней торопится мальчишка» — так начинается этот увлекательнейший, искренний и трогательный роман, изданный на множестве языков и ставший мировым бестселлером.

Итак, мальчик бежит вслед за собакой по улицам Иерусалима. Ему надо разыскать ее хозяина и вручить ему уведомление о штрафе.

Так началось приключение Асафа, которое может произойти только в шестнадцать лет. Собака по имени Динка приводит его в самые разные места: в пиццерию, в греческий монастырь, в наркоманский притон.

Но Тамар, хозяйки собаки, нигде нет — исчезла, как в воду канула. Асаф хочет найти ее во что бы то ни стало и готов на все ради этого.

Мы станем свидетелями нескольких дней из жизни этого искреннего, открытого и трогательного мальчишки, дней, которые дали ему возможность узнать больше о людях, о жизни, а главное — о самом себе.

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44

ISBN 978-5-389-25612-5

© David Grossman 2003
© Гали-Дана Зингер, Некод Зингер, перевод на русский язык, 2024
© Litbuk LTD
© ООО «Вимбо»
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

Часть I

МЫ С МОЕЙ ТЕНЬЮ ОТПРАВИЛИСЬ В ПУТЬ...

Собака мчится по улицам, а за ней торопится мальчишка. Длинный поводок, соединяющий их, цепляется за ноги прохожих, те возмущенно ворчат, и мальчишка вновь и вновь бормочет: «Простите, простите», а между извинениями кричит собаке: «Стой! Стоп!», а однажды, к стыду его, вырвалось еще и «Тпру!», а собака все бежит и бежит.

Она летит вперед, проскакивает оживленные перекрестки на красный свет. Ее золотистая шерсть то исчезает, то возникает снова меж ногами людей, мелькает перед глазами мальчишки, словно посылая тайные сигналы.

— Помедленней! — кричит мальчик и думает, что если бы он хотя бы знал, как зовут эту псину, то мог бы окликнуть по имени и та, возможно, остановилась бы или хотя бы притормозила.

Но в глубине души он понимает, что и тогда собака продолжит бежать. Даже если поводок затянется на ее шее, собака все равно будет рваться вперед, пока не окажется там, куда так торопится.

И скорее бы уж туда добраться, чтобы она оставила его в покое.

Время для такой беготни не самое подходящее. Мальчик по имени Асаф бежит вперед, а его мысли путаются далеко позади. Он не хочет задерживаться на них, ему нужно сосредоточиться на этой гонке за псом, и мысли его грохочут следом связкой жестянок. Вот, например, жестянка с поездкой его родителей. Сейчас они над океаном, летят впервые в жизни — зачем вообще им понадобилось так внезапно уезжать? А вот жестянка с его старшей сестрой: в эту посудину он боится заглядывать, ведь оттуда ползут одни напасти. А есть и другие жестянки, большие и маленькие, они позвякивают у него в голове, а в конце связки грохочет жестянка, преследующая Асафа уже две недели, и ее лязг, этот неумемный дребезг сводит его с ума: он обязан, наконец, влюбиться в Дафи — сколько можно тянуть?! Асаф знает, что должен хоть на миг остановиться, распутать эту осточертевшую связку из жестянок-мыслей, да только у собаки совсем иные планы.

— Вот черт! — выдыхает Асаф.

Ведь еще за минуту до того, как дверь открылась и его позвали взглянуть на пса, он был так близок к последней и бесповоротной точке, где влюбляются в эту чертову Дафи. Он буквально чувствовал, как подчиняет себе эту непокорную точку где-то в глубине живота, слышал неторопливый тихий голосок, вечно шепчущий ему оттуда: «Она не про тебя, эта Дафи, она все время только издевается и насмехается над всеми, а особенно над тобой, и зачем тебе продолжать этот дурацкий спек-

такль день за днем?» И вот, когда ему уже почти удалось заглушить этот вражий голос, дверь комнаты, в которой он ежедневно просиживал с восьми до четырех всю последнюю неделю, отворилась, и в проеме возник Авраам Данох, тощий, смуглый и мрачный санитарный чиновник мэрии и что-то вроде приятеля его отца, — тот самый, что устроил Асафа на эту работу на весь август. Данох велел ему прекратить бить баклуши и немедленно спуститься в помещение для собак — наконец-то и для него есть работа.

Данох быстро шагал впереди, объясняя про какую-то псину, но Асаф не слушал: обычно ему требовалось несколько секунд, чтобы перейти из одного состояния в другое. Он плелся за Данохом коридорами мэрии, лавируя среди людей, пришедших оплачивать счета за воду и всякие налоги или ябедничать на соседей, которые без разрешения построили террасу; потом он спускался по аварийной лестнице на задний двор — и все пытался уловить, удалось ли ему уже нейтрализовать внутри себя последний оплот сопротивления этой Дафи, а если нет, то что же он скажет Рои, который все требует покончить с колебаниями и начать уже вести себя как мужик. Еще издали Асаф услышал частый, надсадный лай и удивился, так как обычно собаки брехали все вместе и хор их, достигая третьего этажа, зачастую мешал его грезам. Но сейчас лаяла только одна псина. Данох открыл решетчатую дверь и, повернувшись, что-то сказал — что именно, Асаф не разобрал из-за лая, — затем открыл вторую решетку и ткнул пальцем в узкий проход между клетками.

Ошибиться было невозможно. Несомненно, Данох привел его именно к этой собаке. Их было там восемь или девять, каждая в отдельной клетке, но на самом деле была только одна собака, словно впитавшая всех остальных, лишившая их голоса и энергии. Она не отличалась такими уж крупными размерами, но в ней угадывались мощь и неистовство, а еще — отчаяние. Такого отчаяния в собаке Асаф еще никогда не видел. Раз за разом она кидалась на решетку, и клетки дрожали, позвякивая, и тогда собаченция издавала высокий, наводящий ужас звук — странное сочетание воя и рыка. Другие псы, застыв на ногах или лежа, смотрели на нее с молчаливым изумлением и даже с почтением, и у Асафа возникло странное ощущение, что если бы перед ним находился человек, то следовало бы или кинуться ему на помощь, или поскорее уйти, чтобы тот мог побыть наедине со своим горем.

В короткий промежуток между лаем и атаками на клетку вклинился торопливый голос Даноха. Один из инспекторов нашел собаку позавчера, когда та как заведенная кружила по Сионской площади. Ветеринар сперва подумал, что это ранняя стадия бешенства, но никаких признаков болезни не обнаружил, и если не считать грязи и нескольких легких ссадин, то псина в прекрасном состоянии. Асаф заметил, что Данох говорит сквозь зубы, словно желая скрыть от собаки, о ком идет речь.

— Уже двое суток она вот так, — процедил Данох. — А пороху еще хватает. Изрядная зверюга, а? — добавил он и как-то подтянулся, когда пес вдруг уставился на него. — Не простая дворняжка...

— А чья она? — спросил Асаф и отпрянул, потому что собака опять кинулась на решетку, сотрясая клетку.

— То-то и оно, — прогнусавил Данох, почесав голову. — Это тебе как раз и предстоит выяснить.

— Как мне? — испугался Асаф. — Где это я выясню?

А Данох сказал, что, как только этот «кальб», как он выразился по-арабски, уgomонится, они его и спросят. Асаф изумленно смотрел на него, и Данох объяснил, что это обычная процедура: цепляют собаку на поводок и пускают ее куда глаза глядят, а сами идут за нею час-другой — пока она не приводит их напрямиком к хозяевам.

Асаф решил, что тот шутит — где это слыхано такое, но Данох вынул из кармана рубашки сложенный листок и сказал, что, прежде чем передавать собаку, пусть потребует, чтобы хозяева расписались в получении вот на этом бланке номер семьдесят шесть.

— Сунь-ка в карман, Асаф, да смотри не поте-ряй, а то, как я погляжу, ты малость не от мира сего. А главное, объясни этому уважаемому собаководу, что к бланку прилагается штраф — сто пятьдесят шекелей: во-первых, в качестве урока — впредь будет следить за своей псиной, а во-вторых, в качестве ми-ни-маль-ной, — Данох явно наслаждался, издевательски цедя каждый слог, — компенса-ции за причиненные мэрии беспокойство и головную боль и за трату времени пре-вос-ход-но-го пер-со-на-ла!

И он с силой хлопнул Асафа по плечу, добавив, что тот после того, как найдет хозяев пса, сможет

вернуться в свой кабинет и продолжать валять дурака до конца летних каникул на деньги налогоплательщиков.

— Но как же я... — запротестовал Асаф. — Посмотрите на него... он же как бешеный...

И вот что тогда произошло: пес услышал голос Асафа. Он вдруг остановился. Перестал носиться по клетке. Медленно приблизился к решетке и посмотрел на Асафа. Его ребра все еще ходили ходуном, но движения замедлились, а глаза словно потемнели. Он наклонил голову набок, точно стараясь получше разглядеть мальчика, и тот подумал, что сейчас пес разинет пасть и скажет человеческим голосом: «Сам ты бешеный».

Пес вдруг лег, положил голову на пол, и его передние лапы заскребли под перегородкой, словно умоляя, а из глотки вырвался новый звук, тоненький и деликатный, вроде щенячьего или детского плача. Даже Данох, человек суровый и без особого восторга устроивший Асафу эту работенку, слегка улыбнулся.

Асаф присел на корточки по другую сторону решетки и, глядя на пса, тихонько заговорил:

— Ты чей? Что с тобой приключилось? Чего ты так буянишь?

Он говорил медленно, оставляя место для ответов и не смущая пса слишком долгими и пристальными взглядами. Он понимал разницу между тем, как приказывают собаке и как разговаривают с ней: Носорог, приятель его сестры Релли, научил его этому. Пес лежал на полу и часто дышал, он выглядел сейчас уставшим и выдохшимся и каким-то менее крупным, чем раньше. В помещении для собак

наконец воцарилась тишина, другие животные зашевелились в клетках, оживая. Просунув палец между прутьями, Асаф дотронулся до собачьей головы. Пес не пошевелился. Асаф поскреб пальцем слипшуюся, грязную шерсть. Пес начал быстро, жалобно, безостановочно скулить. Словно должен был кому-то что-то рассказать и не способен больше держать все это при себе. Красный язык подрагивал, большие глаза о чем-то молили.

Захваченный этим моментом, Асаф больше не спорил с Данохом, который, поспешив воспользоваться тем, что пес утихомирился, вошел в клетку и пристегнул длинный поводок к скрывавшемуся в спутанной шерсти оранжевому ошейнику.

— Ну-ка, хватай его! — скомандовал Данох. — Сейчас он как миленький пойдет с тобой. — И слегка отпрянул, когда пес вдруг очутился вне клетки и, казалось, в один миг стряхнул с себя и усталость, и тихую покорность, глядя по сторонам с новой нервозностью, принимаясь и будто вслушиваясь в далекие звуки. — Ну вот, уже и поладили, — попытался Данох убедить себя. — Только будь осторожен с ним в городе. Я ведь обещал твоему отцу...

Слова замерли у него на языке, ибо пес уже преобразился. Его морда заострилась, и во всем облике проступило что-то почти волчье.

— Слышь, — слегка раскаиваясь, пробормотал Данох, — это ничего, что я тебя так вот посылаю, а?

Асаф не ответил, только изумленно смотрел на перемены, творившиеся со зверем.

Данох опять хлопнул его по плечу:

— Ты парень крепкий, глянь — повыше меня будешь, да и отца своего. Ты ведь с ним справишься, верно?

Асаф хотел спросить, что ему следует делать, если пес не приведет его к хозяевам, и до каких пор он должен так за ним ходить (в ящике стола его ждал обед — три бутерброда), и что, если пес, например, не поладил с хозяевами и вовсе не намерен возвращаться домой...

Но все эти вопросы не были заданы ни в тот момент, ни в какой иной. Асаф больше не видел Даноха — ни в тот день, ни в последующие дни. Иногда так легко определить точный миг, когда что-то — например, жизнь Асафа — начинает бесповоротно и до неузнаваемости меняться.

Едва рука Асафа сжала поводок, пес изо всех сил рванулся с места и потащил его за собой. Данох испуганно взмахнул рукой, успел сделать пару шагов за ними, даже кинулся было вслед — все бесполезно. Асафа уже проволочило на дикой скорости через двор мэрии, стащило по ступенькам и выдернуло на улицу. Потом его ударило о припаркованную машину, о мусорный бак, швырнуло на прохожего, на одного, другого.

Он бежал...

Большой мохнатый хвост мельтешит перед глазами, сметая в стороны людей и машины, а следом несется Асаф, загипнотизированный этим хвостом. Иногда пес останавливается на мгновение, поднимает голову и принюхивается, а потом сворачивает в боковую улицу и опять мчится во весь дух — кажется, что он точно знает, куда стре-

мится, так что гонка, возможно, скоро закончится, пес найдет свой дом, Асаф передаст его хозяевам, и дело с концом. На бегу Асаф размышляет, как же ему быть, если хозяин пса не пожелает платить штраф. Тогда он заявит этому наглецу: «Сударь, моя должность не позволяет мне в данном случае никакой снисходительности. Или платите, или вас ждет суд!» А тот кинется спорить, и Асаф пустит в ход убийственные аргументы... Асаф бежит и бормочет эти убийственные аргументы, прекрасно понимая, что ничего такого ему не удастся — в спорах он никогда не был силен, всегда предпочитал соглашаться и не устраивать себе лишних проблем. Именно поэтому-то он вечер за вечером соглашался с Рои по поводу Дафи Каплан, лишь бы избежать объяснений. Асаф представляет Дафи — вот она стоит перед ним, высокая и тоненькая, — ненавидя себя за слабость, и вдруг осознает, что рослый мужчина с кустистыми бровями и в белом поварском колпаке о чем-то настойчиво спрашивает его.

Асаф растерянно моргает. Ясное лицо Дафи с ее вечно насмешливым выражением и прозрачными веками ящерицы быстро перетекает в другое лицо, отекшее и хмурое. Асаф испуганно фокусирует взгляд и обнаруживает перед собой узкое помещение, будто высеченное в стене, в глубине пылает печь, и выясняется, что пес решил почему-то задержаться перед маленькой пиццерией, а хозяин, перегнувшись через прилавок, уже во второй или третий раз спрашивает Асафа о какой-то даме:

— Где она? Куда она пропала? Месяц уж, как ее не видать.

Асаф осторожно косится за плечо — может, хозяин пиццерии говорит с кем-то, кто стоит позади? Но нет, тот явно обращается к нему и интересуется, сестра она ему или подруга, и Асаф смущенно поддакивает, пытаясь выиграть время. После недели, проведенной в мэрии, он уже знает, что люди, работающие в старом городе, отличаются своеобразными повадками, странноватым чувством юмора и любят разные приколы в разговоре... Наверное, имея дело со всякими чудаками и туристами из дальних стран, они привыкли разговаривать нарочито, как в театре, словно за ними наблюдает невидимая публика. Асафу хочется смяться, уж лучше нестись за псом, чем общаться с этим типом, но пес, как нарочно, усаживается и, вывалив язык, с надеждой пялится на хозяина пиццерии, а этот дядька приятельски свистит ему, будто они старые знакомые, и стремительно, точно баскетболист-профи, из-за спины, запускает в его сторону солидный кусок сыра, а пес на лету хватает кусман и мигом проглатывает.

И еще один кусман. И еще, и еще.

У торговца пиццей брови топорщатся, точно два кактуса, и эти брови-кактусы ужасно раздражают Асафа. А мужик говорит, что он никогда еще не видел эту сучку такой изголодавшейся.

— Так это она? — изумленным шепотом переспрашивает Асаф.

До этого момента ему и в голову не приходило, что пес может оказаться сукой, — из-за стремительности, силы и упорства. А кроме того, во время безумной гонки, среди всеобщей суеты и переполоха, Асафу нравилось воображать, будто они

с псом — команда, молчаливый мужской союз, а вот теперь... А теперь все стало еще более странным, раз он бегаёт за собачонкой...

Торговец пиццей сдвигает свои кактусы и, испытующе, быть может, даже подозрительно глядя на Асафа, спрашивает:

— Это чего ж, она тебя решила послать вместо себя?

И начинает крутить в воздухе НЛО из тонкого теста, умело подбрасывая и ловко подхватывая его. Асаф кивает, этак по диагонали кивает, изображая нечто промежуточное между «да» и «нет» — врать он не хочет. А хозяин пиццерии размазывает по тесту томатное пюре, хотя никаких клиентов вокруг не наблюдается, и посыпает нарезанными маслинами и луком, а также грибами и анчоусами, и даже сезамом и чабрецом, и время от времени не глядя бросает через плечо кусочки сыра, а эта собаченция, которая всего минуту назад была сильным и смелым псом, ловит их в воздухе, словно сто раз репетировала этот трюк.

Асаф с изумлением наблюдает за этой парочкой, за их слаженным танцем, и спрашивает себя, а он-то что тут делает, чего дожидается. Надо бы спросить о «молодой даме», которая, похоже, бывала здесь со своей собакой, но вопросы, что вертятся на языке, кажутся нелепыми, да еще придется объяснять, что да как, о работе в мэрии, о найденных собаках, и в конце концов Асаф осознает всю запутанность взваленной на него миссии. Не будет ведь он приставать к каждому встречному-поперечному, выясняя, не знаком ли тот с владельцем собаки. И вообще, какое отношение имеют к его

службе всякие шавки? Какого черта он согласился на эту затею? Асаф прокручивает в мозгу слова, которые следовало сказать проклятому Даноху. Словно остроумный, въедливый и даже слегка заносчивый адвокат, он мысленно приводит блестящие аргументы, а сам — как всегда случается с ним в подобных ситуациях — слегка съезживает, втягивает голову в широкие плечи и молчит.

Малые и великие возмущения распирают Асафа, пока не вырываются наружу крошечным потоком лавы и не оседают на подбородке ярко-красным прыщиком ярости на Рои, который уломал-таки его собраться сегодня вчетвером, уболтал его, что, мол, Дафи — это самое то, со всех точек зрения самое то. Именно так Рои и сказал, одарив Асафа пристальным и долгим взглядом, взглядом *порабощения*, а Асаф, глядя на насмешливый золотистый ореол вокруг его зрачков, удрученно подумал, что их дружба с годами превратилась во что-то иное... ну, как бы это назвать, — то самое «иное»? И, внезапно испугавшись, точно его что-то ударило, он пообещал прийти сегодня, а Рои тогда хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Так-то лучше, чувак!

И Асаф ушел, мечтая о решительности, которая позволила бы ему развернуться и швырнуть Рои в морду это «самое то». Ведь все, что Рои требуется, это чтоб Асаф и Дафи были чем-то вроде зеркала навыворот, чтоб оттеняли его самого и Мейталь, их легкость и непринужденность: вот они идут обнявшись и целуются через каждые два шага, а Дафи и Асаф молча тащатся за ними, ненавидя друг друга.

— Эй, что с тобой? — рассердился торговец пиццей. — Я с тобой разговариваю!

Пицца, разрезанная на восемь частей, уже упакована в белую картонную коробку, и хозяин пиццерии говорит с ударением, словно ему уже надоело повторять одни и те же слова:

— Смотри хорошенько, тут как всегда: два куса с грибами, один с анчоусами, один с кукурузой, два простых и два с маслинами, езжай поскорее, чтобы не остыло, с тебя сорок шекелей.

— Куда «езжай»? — шепотом спрашивает Асаф.

— Ты что, без велосипеда? — изумляется торговец. — Сестра твоя на багажник пристраивала. А ты-то как ухватишь? Но сперва деньги гони! — И он тянет длинную волосатую руку.

Пораженный Асаф сует пальцы в карман, а на встречу им лезет возмущение. Уезжая, родители оставили ему достаточно денег, но он очень точно рассчитал свои расходы и каждый день пропускал обед в столовке мэрии, чтобы скопить деньжат на второй объектив к «Кэнону», который родители обещали ему привезти из Америки. И эти неожиданные расходы, вдруг свалившиеся на него, взбесили Асафа. Но ничего не поделаешь, ясно, что пицца приготовлена специально для него, то есть — для того, кто приходит сюда с этой собакой. И, не будь Асаф так зол, он бы, конечно, спросил, кто такая эта хозяйка собаки, но то ли от возмущения, то ли от мерзкого чувства, что вечно кто-то решает за него, Асаф расплачивается и стремительно уходит, демонстрируя свое полное безразличие к деньгам, которые у него выманили обманом. А собака? Та не ждет, пока соответству-

ющее выражение созреет на лице Асафа, она вновь кидается во всю прыть, натягивая поводок до предела. И Асаф снова летит за нею с беззвучным воплем, с лицом, перекошенным от усилий удержать в одной руке большую картонную коробку, а в другой — поводок. Чудом он проносится между прохожими целым и невредимым, коробка парит в высоко вскинутой руке, и Асаф абсолютно уверен — тут у него нет никаких иллюзий, — что он сейчас точь-в-точь официант с карикатуры. Добавок ко всему коробка источает аромат пиццы, а он с утра съел всего-навсего один сэндвич и, ясное дело, имеет полное право на эту пиццу, реющую у него над головой ароматным знаменем. Он ведь уплатил за каждую маслинку, за каждый грибок, и все же Асаф чувствует, что пицца не совсем его, что, в некотором смысле, кто-то другой купил ее для кого-то еще и эти люди ему незнакомы.

И вот так, с пиццей в руке, он пересек на красный свет немало улиц и переулков. Никогда еще Асаф так не бегал, никогда еще не нарушал столько правил одновременно, и со всех сторон ему сигналили, натыкались на него, ругались и орали, но Асаф давно бросил обращать внимание на ругань и крики. С каждым шагом он освобождался и от злости на самого себя — ведь он сейчас совершенно свободен, он вырвался из душного и скучного кабинета, избавлен от всех больших и мелких неприятностей, изводивших его в последние дни, он свободен, как свободна звезда, сорвавшаяся с орбиты и пересекающая небосвод, оставляя за собой шлейф искр. А потом Асаф и вовсе перестал думать, перестал слышать рычание внешнего мира, пре-

вратился в топот собственных ног, в удары сердца и ритмичное дыхание. Асаф никогда не был искателем приключений, совсем даже наоборот, но он все больше переполнялся незнакомым ощущением тайны, наслаждением от бега в неведомое, и в сознании его прыгала радостная, как туго накачанный мяч, мысль о том, что хорошо бы, хорошо бы это не кончалось.

За месяц до того, как Асаф встретился с собакой, а точнее — за тридцать один день до этого на шоссе, что извивается над одной из окружающих Иерусалим долин, с автобуса сошла девушка. Маленькая, хрупкая. Грива черных вьющихся волос почти полностью скрывала ее лицо. Чуть пошатываясь под тяжестью огромного рюкзака, девушка спустилась по автобусным ступенькам. Водитель с сомнением спросил, не надо ли помочь, и девушка, перепуганная его вопросом, съежилась, сжала губы и отрицательно покачала головой.

Она подождала на пустой остановке, пока автобус отъедет подальше, потом еще немного подождала — пока автобус совсем не скрылся за поворотом. Не двигаясь с места, она посмотрела налево, потом направо, потом еще покрутила головой, и предзакатное солнце вспыхивало искрами всякий раз, когда касалось голубой сережки в ее ухе.

Возле остановки валялась изъеденная ржавчиной цистерна из-под бензина. На столбе болталась вылинявшая картонка с надписью: «На свадьбу Сиги и Моти» — и стрелкой, указующей в небеса. Девушка в последний раз оглянулась по сторо-

нам и убедилась, что никого нет. Машины нечасто сворачивали на это раздолбанное шоссе. Девушка медленно обогнула остановку. Теперь она смотрела на расстилавшуюся перед нею долину, голову она старалась держать неподвижно, но глаза ее пристально исследовали местность.

Случайный свидетель наверняка решил бы, что она надумала прогуляться вечером на природе. Именно так ей и хотелось выглядеть. Но если бы мимо проехала машина, то водитель мог бы и удивиться, с чего это девчонка одна спускается в долину. И быть может, еще одна мысль потревожила бы его: зачем это на вечерней прогулке в непосредственной близости от города понадобился здоровенный рюкзак — будто девчонка отправляется в кругосветное путешествие? Но машин на дороге не было, как не было никого и в долине. Девушка начала спускаться по теплым камням, пробираясь сквозь желтые заросли горчицы, и вскоре пропала в чаще из теребинта* и колючего кустарника.

Она шла быстро, едва не падая из-за рюкзака, то тянувшего ее назад, то подталкивавшего вперед. Непокорные волосы лезли в лицо. Губы были по-прежнему стиснуты с тем решительным выражением, с каким она сказала «нет» водителю автобуса. Через несколько минут она начала задыхаться. Сердце учащенно колотилось, и в голову полезли неприятные мысли. В последний раз она приходит сюда в одиночку, подумалось ей, а в следующий раз, в следующий раз...

* Теребинт — фисташковые деревья. (Здесь и далее прим. пер.)

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Гроссман Давид

С КЕМ БЫ ПОБЕГАТЬ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*

Технический редактор *Л. Синуцына*

Корректоры *В. Алексина, П. Шевнина*

Компьютерная верстка *В. Брызгалова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.10.2024.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,00.

Тираж 3000 экз. Т-ИЗР-34583-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

